

Сад длиною в жизнь

Сергей Фёдорович вышел нас провожать. Жаркий полдень. Но здесь, у его дома — тенистая прохлада. Мы стояли у огромного дерева.

— Это пробковое дерево.

— А как оно к Вам попало?

— Тридцать лет назад прислали мне семечко, а теперь — сами видите.

Сергей Фёдорович срывает несколько веточек, протягивает нам:

— Это дерево-лекарь. Удивительное дерево. Будете себя плохо чувствовать, устанете — подышите — рукой снимет.

Незнакомый, чуть душноватый аромат тонкой вуалью окутывает нас. Неужели так пахнут листья?

Весь день мы не расставались с веточками. День выдался напряжённый. Время от времени вспоминали напутствие и доставали из сумки листья, и уже знакомая вуаль нездешнего запаха отделяла нас от городской суеты, грохота машин, пыли, суетоки... И отодвигался день нынешний, уступая место череде воспоминаний.

Сколько должно быть деревьев?

Много ли людей, делающих Дело? Да, немало, конечно. Но...

Но остаются книги и мосты,
Дерева и художников холсты.

А часто ли мы задумываемся о том, что, собственно, остаётся после нас? Спешим, спешим, а всё, что считаем своим делом, подчас оборачивается суетой да пустотой.

Да, остаются не только книги и холсты... Речь — о деревьях. Горько ли то, радостно ли, но сажая деревья, нельзя не сознавать, что они многократно переживут тебя. Всё равно — радостно. Какой красивый след останется — цветущий сад.

Но останется он тогда, когда ему отдана вся жизнь. Непростая, многотрудная жизнь, посвящённая единственному, своему делу. Такая, как жизнь Сергея Фёдоровича Харитонов. С 1951 года должность его звалась — «лесничий». Но должность — графа, вписанная в трудовую книжку, а призвание... Призвание Харитонova — приумножать природные богатства, помогать природе, разнообразить формы и виды, ею создаваемые.

Нельзя сажать деревья с холодным, равнодушным сердцем. Дело это живое, тепла человеческих рук требует, душевной щедрости, любви.

Сколько раз Харитонов бросал в землю семечко, сажал в лунку хрупкий росток, чтобы затем увидеть своё «дитя» тянущимся к солнцу? Никому уже и не сосчитать. Впрочем, любителей статистики можно позвать в Переславский дендрологический сад — он весь детище Харитонova, им задуман, им осуществлён. Пусть подсчитают. Только в цифрах ли дело?

Дело в человеческой жизни, в том, что она и как. В человеческой судьбе, отсчитывающей уже девяносто второй год. Харитонов старше века, и жизнь его — это не только осуществлённое призвание, но и биография нашей страны, со всеми её драматическими

страницами. Жизнь — не учебник, из неё ничего не выбросишь, не переделаешь. Пишется она один раз и навсегда. Набело пишется, ибо нет и не может быть у жизни черновиков. Все трудности роста страны испытал на себе Сергей Фёдорович.

Не сразу пришёл Харитонов в сад. Но, однажды прикипев к делу, о котором мечтал, он останется с ним навсегда.

Он получит пустырь. Один гектар. Ему, этому пустырю, и предстояло стать сказочным дендросадом, где, как на карнавале, «повстречались Париж и Памир». В центре России встретились — волей добрых рук и пытливого ума — экзотические растения с разных точек земного шара. Стала русская земля родной почвой для разноплеменных посланцев. Кипарис и корейский кедр, маньчжурская аралия и лимонник китайский... Здесь, в зелёной лаборатории, и по сей день ведутся опыты по интродукции растений. Сергей Фёдорович и не помнит, сколько уж их было, этих опытов — сотни, тысячи... Опыты начинались и заканчивались, а деревья продолжали жить. Десятки, сотни деревьев...

Век нынешний и век минувший...

В тишине скрипели перья. С каждой минутой напряжение возрастало. И сердце в груди колотилось всё сильнее. Волнение ребят можно было понять — их пятеро, а место писаря в земской управе одно. Вот и пришлось конкурс устраивать — у кого почерк лучше, да кто старательнее перепишет.

Удача улыбнулась Сергею Харитонову, и он поступил на службу к начальнику — грамотному человеку, справедливому и гуманному.

В 1913 году Сергей уже закончил городское училище, а перед тем три года учился в церковно-приходской школе. По тем временам образование изрядное. В шестнадцать лет началась его трудовая биография.

От отца, верно, наследовал Сергей крепкие рабочие руки. Отец был рабочим на вышивальной фабрике у Надежды Сергеевны Засс, чья продукция прямиком шла к парижским модницам. Работа на фабрике была тяжёлая, машины приводились в движение вручную.

А у матери своих забот всю жизнь хватало — шутка ли, двенадцать детей. Да нужда, болезни, да время лихое, беспокойное...

Словом, вырос парень — ступай на хлеб зарабатывать, на шее у родителей больно не рассидишься. И Сергей от работы не бежал. Впрочем, близилась большие перемены. Родившемуся в веке девятнадцатом, предстояло Харитонову, сыну вышивальщика Харитонova, сполна «хлебнуть» века двадцатого...

20-е годы. Петровско-Разумовская академия. Встретились здесь два мира: вылощенные, элегантные, очень вежливые студенты из богатых семей и оборванные, измученные войной, полуграмотные рабочие, крестьяне, солдаты. Первые не скрывали своего презрения, вторые... да они этих «бывших» господ старались не замечать, они рвались к знаниям.

А времена на дворе лихие, трудные. Разруха, нищета, путаница в головах. И не только у них, рабфаковцев первого призыва. Представить трудно, как смогли они без фундаментальных знаний, раздетые и разутые, голодные, всё преодолеть и стать специалистами. Первыми советскими спецами. С. Ф. Харитонов из их числа.

Приходили они на рабфак от сохи, станка, винтовки. Главным пропуском служили мозоли на руках — их не подделаешь. Были студенты и 40, и 50 лет. Учиться хотелось всем. Впрочем, и документ требовали — пять лет трудового стажа, такое условие, или в армии, или из крестьянской бедноты.

И тут-то, в большом городе, их «догнал» голод. Страшный голод 1922 года сделал жизнь невыносимой. Кусок хлеба стал немыслимой ценностью. Рабфаковцы хлеб этот в своих огромных комнатах, где жили по 15—20 человек, подвешивали к потолку — иначе сожрут голодные крысы.

Помощь пришла, откуда, признаться, пролетарии не ждали — от папы римского. Итальянская католическая церковь договорилась о закупках в Австралии мороженых кроликов... Московские студенты получали миску маисовой каши с маргарином, кусок кролика и кружку горячего кофе с сахаринном. Поначалу кое-кто возмутился — мол, благодеяние церкви... Но голод — аргумент веский. И этому были рады. Жить можно, учиться можно!

И через шестьдесят с лишком лет Сергей Фёдорович оживает, вспоминая о той поре: — Конечно, трудно было. И голодно, и «гранит» науки нелегко давался, но учились с остервенением. Дни и ночи за книгой сидели. А какая вокруг жизнь! От неё-то мы отказываться не собирались. Ходили в Большой театр, пешком, через всю Москву, оперу слушать, балеты смотреть, МХАТ был сильнейшим театром. Перед отъездом за границу Шалапин давал концерты — как было не пойти? А какие великолепные тогда в столице были храмы — красоты невиданной...

Года глухие...

Улица называлась Петроградской. Петроградская улица в Ленинграде. Жили на ней два человека. Судьбы у них разные, сравнивать не приходится. Но время свело их вместе. Одного звали Сергей Миронович Киров, другого — Сергей Фёдорович Харитонов. Первый — секретарь обкома ВКП(б), второй — преподаватель лесотехнической академии. Каждый был занят своим делом. Но время, время...

Страна строилась, возрождалась из руин и пепла. Стране нужна была валюта. Валюта — это станки, оборудование, технология. Так где взять эту валюту? Пшеница — раз, сахар — два, и... лес. Лес? Это хорошо. Это должно быть выгодно. На лес за границей устойчивый спрос. В одном, однако, загвоздка — отношение к русскому лесу пока не очень хорошее — считают «бросовым товаром». Стало быть, нужно торить дорогу, ломать предвзятое отношение, работать на экспорт.

Собрали в обкоме «лесников»: «Давайте, товарищи, думать».

Здесь-то и пересеклись пути Кирова и Харитонова. Секретарь обкома одобрил идею лесопромышленной выставки: «Чтобы работала на коммерцию». Сергей Фёдорович в организации этой выставки участвовал. В торжественный день открытия Киров перерезал ленточку...

Назначили Харитонова заведующим лесным отделом музея социалистического сельского хозяйства. Этот музей — тоже дело Кирова, до его трагической гибели он и существовал. Работал на Отечество...

Много общаться с Сергеем Мироновичем не пришлось, разве что деловые вопросы решать, но кто из ленинградцев той поры Кирова не знал? Тем более, что жили по соседству...

— А Киров никаких служебных машин не признавал, в Смольный ходил пешком. Не терпел, когда ему пытались услужить, — вспоминает Харитонов. — И с людьми общался за просто. Любой к нему мог на улице подойти, обратиться с просьбой. Сколько раз было — присядет тут же на парапет набережной, пишет резолюцию — никакой бюрократии!

Но близился трагический порог. Выстрелы в Смольном, оборвавшие жизнь Кирова, ничего доброго не предвещали. Так и оказалось...

Пришли «года лихие». Но уже грохотала где-то на подступах ближайших лет надвигающаяся мировая война, та, что назовут — Великая Отечественная...

Сгорит в огне рукопись — готовый научный труд, кандидатская диссертация С. Ф. Харитонова. Опалят военные пожарища и его судьбу. «Блокада» — слово жёсткое и трагическое. Измождённого, больного и контуженного (едва весил 30 килограммов, ноги не ходили, глаза не видели), его вывезли на Большую землю, в родные ярославские места.

В Ленинграде он будет бывать и после войны, наездами, по делам, но жизнь свою навсегда свяжет с Переславлем.

Едва оправился от болезни, и — за дело. Ещё шла война, ещё бедствовали города — не хватало топлива. И Харитонов организует рубку леса вдоль дорог — другого выхода не было. До Победы стране ещё нужно было дожить...

Деревья растут долго

Самая длинная дорога начинается с первого шага. Он-то и бывает подчас самым трудным. Но сделать его необходимо...

— Можно войти?

— А в чём, собственно, дело? — сидящий за письменным столом не поднял головы.

Сергей Фёдорович стоял перед академиком, возглавлявшим Ботанический сад. Сесть ему предложено не было.

— Ну, так что Вам нужно?

— Мы хотим заложить в Переславле сад. Опыты уже начаты. Помогите.

Сергей Фёдорович волновался — вот сейчас должна решиться судьба его детища.

— Вы кто?

— Лесничий.

— Это дело не Ваше. Вы — любитель. Пусть занимаются институты.

Ну, что делать: повернуться, хлопнуть дверью, уйти. Нет, этого нельзя делать. Дело важнее амбиций.

— Вы должны нам помочь, — фраза повисает в воздухе. Харитонов, уже отчаявшись, горячо начинает объяснять, что хотелось бы сделать.

— Вы что кончали?

— Ленинградскую лесотехническую академию.

— Когда?

Ответ вызывает радостную реакцию академика — он учился там же, закончил годом позже. Многие могли вспомнить бывшие студенты, но главное — вопрос, с которым он шёл сюда, был решён положительно.

Подписали договор на десять лет. И дело пошло.

Сад был, как ребёнок: он требовал постоянной заботы, внимания, тепла, участия. Но и сам делился всем, что имел.

— В самые трудные минуты жизни я шёл в лес. И он помогал мне.

Что ж, это справедливо. Ведь и Сергей Фёдорович посвятил свою жизнь лесу, деревьям. Вся жизнь приходится ему преодолевать чьё-то сопротивление и косность, наверное, поэтому сегодня он с горечью констатирует:

— В лесном деле всегда был махровый бюрократизм. Методы руководства — только волевые, только административный нажим. Разговоры — крик да приказ. Меньше всего чиновника интересовал сам лес.

Тем значительнее заслуга Харитонова, создавшего потом и энергией своей замечательный, уникальный дендрарий. Он и личную жизнь свою меряет тем, как и чем его сад жил. Их уже, пожалуй, и не отделишь. Судьбу человека и биографию сада.

В 1952 году опыты по селекции и интродукции растений, начатые на приусадебном участке, стали началом дендросада.

В 1962 — сад зарегистрирован в международном каталоге ботанических садов (чехи помогли пробить брешь в бюрократической «стенке», и стали семена со всего света поступать).

В 1977 году площадь сада уже была 47 гектаров.

Сегодня [в 1988 году] Сергей Фёдорович принимает в нём до трёх тысяч гостей — советских и иностранных туристов. От рабочих до академиков. Книга отзывов переполнена словами благодарности. Но это всё сегодня. И умещается всё в несколько строк. А что за этими строками? Бессонные ночи, заполненные трудом и хлопотами дни, борьба с чиновниками от леса, невеждами, защищёнными чинами и званиями. Человека, мешающего делу, можно убедить, обойти, в конце концов. А вот со стихией не договоришься. Жестокой оказалась зима 1978 года — две тысячи яблонь вымерзло, уже по двадцать лет им было. И всё надо начинать с начала. И к этому он был готов. С раннего утра до позднего вечера — работа. Из года в год. Всю жизнь.

— Почему долго живу? Так иногда спрашивают, — говорит Сергей Фёдорович, — а мне нельзя по-другому, такую уж ношу взял — деревья долго растут...

Действительно, любой новый сорт только тогда прописку получает переславскую, когда у него и второе поколение выживает. А иные и цветут, и плодоносят раз в десятки лет. Вот и считайте, какая здесь жизнь нужна...

...Лес. Для одного он — дрова, для другого — охота, для третьего — грибы да ягоды. Да, он и то, и другое, и третье. Но это лишь малая часть его. Лес — это не просто много деревьев. Он — единство их. Он — таинство. Своя, особая, неповторимая жизнь. Достаточно переступить черту, разделяющую наш привычный мир и лес, как тут же почувствуешь — ты в лесу. Всё здесь другое. И тишина, и звуки. И воздух, и дыхание. Лес и накормит, и обогреет, и вылечит.

Да, деревья могут быть нашими друзьями — верными, преданными. А мы? Можем ли сказать о себе то же? Вряд ли. Планово, без всякой жалости, из года в год уничтожается не только материальное богатство, но и духовное — наш русский лес. Плохие мы хозяева — и то, что срубаем, используем от силы наполовину.

Остаются вокруг нас «осколки» некогда могучего и прекрасного леса.

Кажется, пора уже нам, умным, сильным, вооружённым знаниями и современной техникой, остановиться, одуматься. Кислотные дожди, пришедшие из фантастических рассказов Рэя Бредбери, сегодня стали явлением обычным. Мы дышим воздухом, который насыщен всеми элементами таблицы Менделеева. Шум, грохот, пыль, выхлопные газы — это всё «нормальные» условия обитания современного человека. Рассуждая об экологической катастрофе, мы ничего не делаем. Нам всё ещё кажется, что беда далеко. Чахлая запылённая листва городских деревьев представляется спасением от всех бед. У нас сохнут моря, земля разносится ветром в пыль, вчерашний лес сегодня напоминает плешь, а мы ждём. Чего? Трудно сказать. Хотя любому здравомыслящему человеку ясно — пришла пора сажать деревья, а не вырубать их.

Ведомственная разобщённость, наше равнодушие, неорганизованность. Всё это только поводы для разговоров. А за разговорами и не заметим, как оставим детям нашим вместо цветущего сада пустырь.

И кто знает, придёт ли на него человек, способный отдать жизнь новому саду? Пока такие люди — великая редкость.

Послесловие

Пыль, суета, грохот машин — всё отступает перед домом Сергея Фёдоровича. И это понятно — его охраняют деревья. Такие необычные, перенесённые сюда из дальних мест, выращенные его терпением и любовью, ставшие его друзьями, его жизнью.

Разными бывают сады, оставляемые людям. Деревья — след прекрасный. Они, как послание в будущее, эстафета добра, переданная в день завтрашний.

Ярок, многоцветен, экзотичен сад, взращённый Сергеем Фёдоровичем. Вложен в него гигантский труд и надежда. Мы ещё не научились заботиться о доме нашем — земле, но первые, пока ещё робкие и неуверенные, попытки предпринимаются. Вот и озеро наше войдёт в зону национального парка. Краса и гордость наша, оно должно сохраниться и в третьем тысячелетии. Как же уместен в национальном парке и чудесный дендрологический сад. Он будет украшением его.